

*Посвящается
моим любимым бабушкам и дедушкам
Оливии и Рафазлю Келли
и Джулии и Кону Ахерн*

Пролог

Закрой глаза и посмотри в темноту. Так советовал мне отец, когда в детстве я не могла заснуть. Сейчас он вряд ли бы мне это посоветовал, но я все-таки решила поступить именно так. Я смотрю в эту безмерную темноту, простирающуюся далеко за пределы моих сомкнутых век. Хотя я лежу на полу неподвижно, но чувствую при этом, будто парю в невероятной высоте, схватившись за звезду в ночном небе, а мои ноги болтаются над холодной черной пустотой. Я в последний раз смотрю на свои пальцы, стиснувшие свет, и разжимаю их. И лечу вниз, падая, паря, затем падая снова, — чтобы оказаться вновь на лоне своей жизни.

Я знаю теперь, как знала и в детстве, борясь с бессонницей, что за туманной пеленой век находится цвет. Он дразнит меня, подначивая открыть глаза и распрощаться со сном. Красные и оранжевые, желтые и белые вспышки испещряют мою темноту. Я отказываюсь открывать глаза. Сопrotивляюсь и

зажмуриваюсь еще сильнее, чтобы не пропустить эти световые песчинки, которые отвлекают, не давая заснуть, и в то же время свидетельствуют о том, что за нашими смеженными веками есть жизнь.

Но во мне нет жизни. Лежа здесь, у подножия лестницы, я не чувствую ничего. Лишь быстро бьется мое сердце, одинокий боец остался стоять на ринге, отказываясь сдаваться, — красная боксерская перчатка триумфально взлетает в воздух. Это единственная часть меня, которой не все равно, единственная, которой всегда было не все равно. Она борется, стараясь качать мою кровь, чтобы возместить то, что я теряю. Но с той же скоростью, с какой сердце качает ее, кровь покидает мое тело, образуя вокруг меня в том месте, куда я упала, свой собственный глубокий черный океан.

Скорей, скорей, скорей. Мы всегда спешим. Никогда нам не хватает времени здесь, поскольку мы стремимся попасть туда. Нужно было уехать отсюда пять минут назад, нужно быть там немедленно. Телефон звонит снова, и я осознаю всю иронию ситуации. Если бы я не поспешила, могла бы сейчас ответить на звонок.

Сейчас, не тогда.

Я могла бы никуда не торопиться и вдоволь постоять на каждой из этих ступеней. Но мы всегда спешим. Все спешит, кроме моего сердца. Оно постепенно замедляет свой бег. Я не так уж и против. Я кладу руку на живот. Если мое дитя умерло, а я подзреваю, что это так, я присоединюсь к нему там. Там... где? Где бы то ни было. Дитя — это безличное слово. Оно так мало, еще неясно, кем ему суждено было стать. Но там я буду заботиться о нем.

Там, не здесь.

Я скажу ему: «Мне так жаль, солнышко, так жаль, что я лишила тебя, себя — лишила нас возможности жить вместе. Но закрой глаза и посмотри в темноту, как это делает мамочка, и мы вместе найдем дорогу».

В комнате раздается шум, и я чувствую чье-то присутствие.

— О боже, Джойс, о боже! Ты слышишь меня, дорогая? О боже, о боже! Пожалуйста, Господи, не мою Джойс, не забирай мою Джойс. Держись, дорогая, я здесь. Папа здесь.

Я не хочу держаться, и мне хочется сказать ему об этом. Я слышу свой стон, он похож на звериное поскуливание, и это поражает меня, пугает меня. «У меня есть план, — хочу я сказать ему. — Мне нужно уйти, только тогда я смогу быть со своим малышом».

Тогда, не сейчас.

Он не дает мне упасть, помогает балансировать в пустоте, и я все еще не приземлилась. Зависнув, я вынуждена принять решение. Я хочу, чтобы падение продолжалось, но он звонит в скорую и вцепляется в мою руку с таким неистовством, как будто это *он* держится за жизнь. Как будто я — это все, что у него есть. Он убирает волосы с моего лба и громко плачет. Я никогда не слышала, чтобы он плакал. Даже когда умерла мама. Он сжимает мою руку с силой, о существовании которой в его старом теле я не подозревала, и вспоминаю, что я — это все, что у него есть, и что он опять, как и раньше, — весь мой мир. Кровь продолжает в спешке нестись по моему телу. Скорей, скорей, скорей. Мы всегда спешим. Может быть, я опять спешу. Может быть, мне еще не время уходить.

Я чувствую загрубевшую кожу его старых ладоней, знакомых ладоней, так напряженно сжимающих мои, что это заставляет меня открыть глаза. Их наполняет свет, и я мельком вижу его лицо, искаженное гримасой, которую больше не хочу видеть никогда. Он цепляется за своего ребенка. Я знаю, что своего я потеряла, я не могу позволить, чтобы и он потерял своего. Принимая решение, я уже начинаю горевать. Теперь я приземлилась, упала на лоно своей жизни. А мое сердце продолжает перекачивать кровь.

Даже разбитое, оно все еще работает.

ЗА МЕСЯЦ ДО НЕСЧАСТЬЯ

Глава первая

— **П**ереливание крови, — произносит доктор Филдс с кафедры актового зала в здании факультета искусств Тринити-колледжа, — это процесс трансплантации крови или ее компонентов от одного человека в кровеносную систему другого. Абсолютные показания к переливанию крови — острая кровопотеря, вызванная травмой, операцией, шоком, а также случаи тяжелой анемии — снижения концентрации гемоглобина в крови, чаще при одновременном уменьшении числа эритроцитов. Вот факты. Каждую неделю в Ирландии требуется три тысячи переливаний крови. Только три процента населения страны являются донорами, предоставляющими кровь для населения почти в четыре миллиона. Каждому четвертому в определенный момент жизни почти наверняка понадобится переливание крови. Оглянитесь по сторонам.

В зале темно: шторы спущены, поскольку работает проектор. Однако пять сотен голов поворачи-

ваются налево, направо. Кто-то оборачивается. Тисшину нарушают приглушенные смешки.

Доктор Филдс повышает голос:

— Как минимум ста пятидесяти присутствующим в этой комнате на каком-то этапе их жизни понадобится переливание крови.

Это заставляет студентов притихнуть. Поднимается рука.

— Да?

— Сколько крови нужно пациенту?

— Сколько ткани нужно на штаны, тупица, — раздается насмешливый голос с заднего ряда, и шарик из смятой бумаги летит в голову молодого человека, задавшего вопрос.

— Это очень хороший вопрос. — Доктор Филдс хмурится в темноту, но яркий луч проектора мешает ей разглядеть студентов. — Кто его задал?

— Мистер Довер! — кричит кто-то с другого конца зала.

— Я уверена, что мистер Довер сам может за себя ответить. Как ваше имя?

— Бен, — нехотя сообщает тот.

Раздается смех. Доктор Филдс вздыхает.

— Спасибо за вопрос, Бен, а остальным лучше запомнить, что глупых вопросов не существует, — говорит она. — Именно этому и посвящена неделя «Кровь для жизни»: вы задаете все волнующие вас вопросы, приобретаете все необходимые знания о переливании крови. Кто-то из вас, возможно, захочет сдать кровь — сегодня, завтра и в оставшиеся дни недели — здесь, в кампусе, а кто-то станет постоянным донором и будет сдавать кровь регулярно.

Главная дверь открывается, и в темный актовй зал проникает свет из коридора. Входит Джастин

Хичкок. Белый свет проектора высвечивает сосредоточенное выражение его лица. Одной рукой он прижимает к груди огромную стопку папок, то и дело норовящих выскользнуть. Он поднимает ногу и подталкивает папки коленом, стремясь вернуть их на место. В другой руке у него набитый портфель и опасно качающийся пластиковый стаканчик с кофе. Джастин медленно ставит поднятую ногу на пол, как будто исполняет какое-то движение гимнастики тайцзи, и, когда порядок восстановлен, на его губах появляется улыбка облегчения. Кто-то хихикает, и с трудом достигнутое им равновесие снова оказывается под угрозой.

Не спеши, Джастин, отведи глаза от стаканчика и оцени ситуацию. Женщина за кафедрой, множество с трудом различимых голов — юноши и девушки. Все смотрят на тебя. Скажи что-нибудь. Что-нибудь умное.

— Я, кажется, не туда попал, — заявляет он темноте, за которой ощущается присутствие невидимой аудитории.

По залу проносится смех, и Джастин, двигаясь назад к двери, чтобы проверить номер аудитории, чувствует, что все глаза направлены на него.

Не пролей кофе. Не пролей чертов кофе.

Он открывает дверь, из коридора снова бьет свет, и студенты заслоняют от него глаза.

Смешки, смешки, нет ничего смешнее заблудившегося человека.

Несмотря на огромное количество вещей в руках, ему все же удается ногой удержать дверь открытой. Он смотрит на номер на ее обратной стороне, а затем опять на свой листок, листок, который, если он его сию секунду не схватит, медленно полетит

на пол. Он протягивает руку, чтобы схватить его. Не та рука. Пластиковый стаканчик с кофе летит на пол. Сверху на него планирует листок бумаги.

Черт побери! Вот опять смешки, смешки. Нет ничего смешнее заблудившегося человека, который пролил свой кофе и уронил свое расписание.

— Вам помочь? — Лектор спускается с возвышения.

Джастин возвращается в аудиторию, с ним возвращается и темнота.

— Видите ли, здесь написано... то есть здесь было написано, — кивает он в сторону промокшего листка на полу, — что у меня сейчас тут занятие.

— Регистрация иностранных студентов проводится в экзаменационном зале.

Он хмурится:

— Да я вовсе не...

— Простите. — Доктор Филдс подходит ближе. — Мне показалось, вы говорите с американским акцентом. — Она поднимает пластиковый стаканчик и кидает его в ведро для мусора, над которым написано: «Напитки не бросать».

— А... о... простите.

— Старшекурсники в соседней аудитории, — шепотом добавляет она. — Поверьте, вам тут не будет интересно.

Джастин откашливается и слегка склоняется набок, стараясь запихнуть папки плотнее под мышку.

— Вообще-то я читаю лекции по истории искусства и архитектуры.

— Вы читаете лекции?!

— Я приглашенный лектор. Хотите верьте, хотите нет. — Он дует вверх, пытаясь убрать волосы с липкого лба.

Стрижка, не забыть постричься. Вот опять смешки, смешки. Заблудившийся преподаватель, который пролил кофе, уронил расписание, сейчас потеряет свои папки и которому необходимо постричься. Определенно, нет ничего смешнее.

— Мистер Хичкок?

— Да, это я. — Он чувствует, как папки выскальзывают из-под его руки.

— О, простите меня, — шепчет она. — Я не знала. — Она ловит его папку. — Я доктор Сара Филдс из Ай-би-ти-эс. В деканате мне сказали, что я могу провести со студентами полчаса до начала вашей лекции, с вашего согласия, конечно.

— Никто меня об этом не предупредил, но я не против, пожалуйста, по *problem!* — *Problem?* — Он покачивает головой, сам себя не одобряя, и начинает двигаться к двери. «*Старбакс*», я иду к тебе.

— Профессор Хичкок...

Он останавливается у двери:

— Да?

— Вы не хотите присоединиться к нам?

Разумеется, нет. Меня ждут капучино и кексик-маффин с корицей в дивной забегаловке «Старбакс». Нет. Просто скажи «нет».

— Ммм... Нее... Да.

— Простите?..

— Я хочу сказать, присоединюсь с удовольствием.

Смешки, смешки, смешки. Лектор попался. Привлекательная молодая женщина в белом халате, назвавшаяся врачом из неизвестной организации, название которой представляет собой аббревиатуру, заставила его сделать то, чего ему, определенно, делать не хочется.

— Отлично. Добро пожаловать.

Она засовывает папки обратно ему под мышку и возвращается за кафедру, чтобы обратиться к студентам.

— Итак, внимание. Вернемся к вопросу о количестве крови. Пострадавшему в автомобильной аварии может понадобиться до тридцати единиц крови. При язвенном кровотечении — от трех до тридцати единиц. Для аортокоронарного шунтирования требуется от одной до пяти единиц. Все зависит от тяжести случая, и, поскольку кровь необходима в таком объеме, вы теперь понимаете, почему нам *всегда* нужны доноры.

Джастин садится в первом ряду и с ужасом слушает обсуждение, к которому он зачем-то присоединился.

— У кого-нибудь есть вопросы?

Вы можете сменить тему?

— За сдачу крови платят?

Смешки в зале.

— Боюсь, не в этой стране.

— Знает ли человек, которому переливают кровь, кто его донор?

— Нет. Сдача крови производится анонимно, но продукты, взятые из банка крови, всегда можно индивидуально отследить в процессе сдачи, проведения тестов, разделения на компоненты, хранения и назначения реципиенту.

— Все могут сдавать кровь?

— Хороший вопрос. Вот список противопоказаний к тому, чтобы быть донором. Пожалуйста, все хорошо его изучите и, если хотите, запишите.

Доктор Филдс кладет лист на проектор, и на ее белом халате появляется отчетливое графическое

изображение пострадавшего, срочно нуждающегося в переливании крови. Она отступает, и картинка заполняет экран на стене.

В зале стоит стон, и слово «ужас» пробегает по рядам, как приливная волна. Два раза его произносит Джастин. У него начинает кружиться голова, и он отводит взгляд от изображения.

— Ой, не тот лист, — ничуть не смутившись, говорит доктор Филдс, вытаскивает листок и неторопливо заменяет его обещанным списком.

Джастин с надеждой ищет в списке пункт «боязнь крови и иголок», надеясь исключить себя из кандидатов в доноры. Такого пункта в списке, увы, нет, однако это не имеет никакого значения, поскольку вероятность того, что он отдаст кому-нибудь хоть каплю крови, равна его работоспособности по утрам.

— Какая жалость, Довер! — Еще один шарик из смятой бумаги летит с заднего ряда и снова ударяет Бена по голове. — Гомосексуалисты не могут сдавать кровь.

Бен хладнокровно поднимает вверх два растопыренных пальца.

— Но это же дискриминация! — вскрикивает какая-то девочка.

— Это мы обсудим в другой раз, — заявляет доктор Филдс и продолжает рассказ о донорстве. — Помните, что ваше тело возместит жидкую часть того, что вы сдали, в течение двадцати четырех часов. Так как единица крови равна примерно пинте, а в среднем в теле человека находится от восьми до двенадцати пинт, средний человек может спокойно одной из них поделиться.

— А если я не средний? — раздался чей-то голос, аудитория отозвалась смешками.

— Тише, пожалуйста! — Доктор Филдс хлопает в ладоши, безуспешно пытаясь привлечь внимание к своим словам. — Неделя «Кровь для жизни» посвящена не только сдаче крови, другая ее цель — просветительская, познавательная. Нет ничего плохого в том, что мы с вами смеемся и шутим, но мне кажется очень важным, чтобы вы поняли и почувствовали: чья-то *жизнь* — женщины, мужчины или ребенка — может зависеть от вас прямо сейчас.

Как быстро в аудитории наступает тишина! Даже Джастин перестает разговаривать сам с собой.

Глава вторая

— Профессор Хичкок. — Доктор Филдс подходит к Джастину, который раскладывает на кафедре свои записи, пока студенты расходятся на пятиминутный перерыв.

— Пожалуйста, доктор, зовите меня Джастин.

— А вы зовите меня Сара. — Она протягивает руку.

— Приятно (*ну просто очень приятно!*) познакомиться, Сара.

— Джастин, я надеюсь, мы увидимся позже?

— Позже?

— Да, после вашей лекции, — улыбается она.

Она заигрывает со мной? Как давно со мной никто не заигрывал! Лет сто, наверное. Я и забыл, как это бывает. Говори, Джастин. Отвечай!

— О свидании с такой женщиной можно только мечтать!

Она сжимает губы, чтобы спрятать улыбку:

— Хорошо, я встречу вас у главного входа в шесть и сама вас отведу.